

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
ИННОВАЦИИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ПРЕПОДАВАНИЯ**

**Материалы международной
научно-практической конференции**

Минск, 22–23 марта 2018 г.

(заочная форма проведения)

**МИНСК
БГУ
2018**

УДК 811.1/.8(06)

Редакционная коллегия:

*Е. А. Пригодич (отв. ред.), Н. Г. Зайченко, М. А. Черкас,
О. Е. Супринович, А. В. Зеленовская,
Л. И. Кохнович, С. А. Трофименко, О. П. Шабан*

Рецензенты:

заведующий кафедрой немецкого языкознания
филологического факультета
Белорусского государственного университета
кандидат филологических наук, доцент *С. С. Котовская*;
заведующий кафедрой германских языков
Белорусского государственного экономического университета
кандидат филологических наук, доцент *В. А. Шевцова*

Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 марта 2018 г. / редкол.: Е. А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018.

ISBN 978-985-566-554-1.

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания», в которых рассматриваются современные проблемы отечественного и зарубежного языкознания, традиции и инновации в обучении иностранным языкам, представлено современное видение лингвокультурологических проблем, освещаются вопросы литературоведения, переводоведения и практики перевода.

Адресуется преподавателям вузов, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам, студентам.

Авторы несут ответственность за достоверность и качество представленных материалов.

УДК 811.1/.8(06)

ISBN 978-985-566-554-1

© БГУ, 2018

**СТИХОТВОРЕНИЕ „THE PAUSING AMERICAN LOYALIST“ В
КОНТЕКСТЕ РАННЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ РЕЦЕПЦИИ
В. ШЕКСПИРА**

В интеллектуально-духовном пространстве глобализированного мира Вильям Шекспир является своеобразной *figurasaca*, которая не знает себе равных по силе влияния на культурное развитие цивилизации в целом и формирование национальных культур в частности. В литературном каноне многих стран имя Шекспира стоит рядом с именами национальных классиков. Художественное сознание многих из них подвергалось его мощному влиянию, а литературное мастерство отшлифовывалось с ориентацией на его творческие достижения. Для народов, которые пытаются преодолеть последствия тоталитарного синдрома или находятся в пост-колониальном состоянии, обращение к литературному наследию Великого Барда, как правило, оказывается мощным культуротворческим и нациеобразующим фактором, который способствует избавлению от комплекса этнокультурной неполноценности и провинциализма, а также помогает почувствовать значимость собственного присутствия на культурной карте мира.

Культура США является одной из тех, чье становление происходило в атмосфере магнетизма шекспировского слова. «Шекспир – творец человека в Америке» – так сказал о Великом Барде поэт и философ Ральф Уолдо Эмерсон. Эту откровенно аппроприационную апологетику довел до наивысшего уровня Джеймс Фенимор Купер, назвав Шекспира «выдающимся американским писателем». Огромная популярность таких культурных практик как шекспировские театральные фестивали, традиция ежегодного проведения которых была заложена в США в 1935 г., присутствие его произведений в обязательной части школьного куррикулума, мощное научное шекспироведение, постоянная актуализация шекспировского компонента в произведениях американских писателей и в артефактах массовой культуры – всё это свидетельствует о перманентном присутствии английского гения в гуманитарной ауре американской нации.

История американской рецепции В. Шекспира традиционно отсчитывается с середины XVIII века, когда первые гастролирующие театральные труппы из Великобритании пересекали Атлантику, чтобы удивить британские колонии своим искусством. Основную часть их репертуара составляли трагедии, исторические хроники и проблемные комедии Великого Барда. В частности, первым шекспировским спектаклем, продемонстрированным на театральных подмостках американского

континента, был «Венецианский купец» (1752 г., «Компания комедиантов», Уильямсбург, Виргиния).

При этом театральные деятели американских колоний зачастую достаточно вольно обходились с текстовым материалом, который использовался для театральных инсценировок. Импортированный из Старого света пиетет по отношению к Шекспиру обеспечивал внимание публики к любого рода постановкам, на афишах которых значилось имя английского драматурга. Это давало режиссерам и актерам различного масштаба – от профессиональных театральных компаний до бродячих лицедеев – широкие возможности для эксперимента: драматургические произведения Шекспира сокращали, видоизменяли, переписывали, наделяли иными смысловыми акцентами. Такие переделки вносили в текст, отчасти следуя тенденциям английского театра эпохи Реставрации, когда корпус шекспировских пьес рассматривался как «гора бриллиантов, которые требуют огранки» (Т. Отвей). Кроме того, причины для переделок диктовала и социокультурная ситуация в самих американских колониях. Так, к примеру, для того, чтобы иметь возможность гастролировать в пуританской Филадельфии, «Компания комедиантов» была вынуждена продемонстрировать не оригинального шекспировского «Отелло», а морализаторскую переделку под названием «Спровоцированный муж».

Подобные практики привели к тому, что уже к концу XVIII века театр перестал восприниматься в Америке как единственно возможный и достоверный источник знакомства с драматургией Великого Барда, а магистральный вектор рецепции Шекспира переместился в плоскость литературы.

Ранняя литературная рецепция Шекспира была детерминирована имманентной спецификой развития американского литературного процесса времен Просвещения и романтизма. Амбивалентность в отношении к интеллектуально-духовному достоянию метрополии, осознанная потребность в приобретении собственной национально-культурной идентичности, обеспокоенность элиты морально-этическим состоянием общества, стремление найти продуктивные источники и эстетические ориентиры для формирования собственной литературы – все это не только определяло уникальную самобытность американских литераторов того времени, но и существенно влияло на формирование литературной рецепции Шекспира. Это формирование происходило одновременно на трех уровнях: аксиологическом, прагматично-формульном и креативном.

Аксиологический уровень отображает пиететное отношение к английскому гению, которое зафиксировано в виде хвалебных отзывав про Шекспира и его творчество в эпистолярной (в частности, в переписке второго президента США Дж. Адамса), дневниках, публичных выступлениях, лекциях, речах, а также в литературных произведениях, в частности, стихотворных. Среди последних стоит отметить произведения Р.У. Эмерсона (два четверостишия, объединенные общим названием „Shakespeare“), сонет

Г.У. Лонгфелло, посвященный Великому Барду, поэму „PrizeOde“ Ч. Спрага и др.

Прагматично-формульный уровень рецепции Шекспира в американской литературе начал формироваться в эпоху романтизма за счет многочисленных случаев эксплуатации шекспировских образов, мотивов, сюжетных коллизий, композиционных структур с целью актуализации злободневной тематики и привлечения потенциального потребителя. Больше всего это касается тех артефактов, которые были рассчитаны на массового реципиента. К таковым можно отнести, прежде всего, театральные бурлески. Многочисленные пьесы, в которых рецепция Шекспира имела ярко выраженный пародийный характер, не только ставились на сцене, но и публиковались, что способствовало их широкому распространению на территории США. Еще один жанр, в рамках которого интенсивно эксплуатировались шекспировские темы, идеи, образы и сюжеты – так называемый «десятицентовый роман» (dimenovel), американская модификация бульварного романа.

Креативность рецепции Шекспира отчетливо проступает в поэтике художественных произведений того времени, что проявляется и в их композиционно-стилистической организации и в системе образов. В этом контексте, прежде всего, следует вспомнить раннюю американскую драматургию (произведения Т. Годфри, В. Данлепа, Р. Тайлера, Дж.Н. Баркера и др.), романы Н. Готорна («Алая буква», «Дом о семи фронтонах») и Г. Мелвилла («Моби Дик»), поэзию Э.А. По и Э. Дикинсон.

Однако начальный этап креативной рецепции шекспировского канона приходится на конец XVIII века, и его характер детерминирован спецификой социокультурной ситуации того времени. Тогда перед североамериканскими колониями возник сложный выбор – либо дальше терпеть налоговые и экономические притеснения со стороны британской короны, либо же «в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними» [1, с. 93], то есть сделать попытку сбросить ярмо монополии. В этом контексте рефлексивный монолог датского принца приобретал в американском социуме особое значение. Тем не менее, интерпретация этого известного солилоквию в сознании американцев того периода осуществлялась не столько в плоскости поиска смысла жизни индивидуума, сколько с учетом чрезвычайно напряженной политической ситуации в стране. В 1776 г. в «Журнале Мидлэссекса» было опубликовано стихотворение «The Pausing American Loyalist», написанное анонимным автором-лоялистом по поводу подписания акта верности Континентальному Конгрессу, который собирался именно для того, чтобы решить вопрос независимости колоний от британского господства. Несомненно, интересным является здесь вопрос авторства. В частности, американский шекспировед Дж. Шапиро считает, что этот стихотворный опус был написан британцем-тори [2, с. 3].

To sign, or not to sign? *That is the question**,

Whether 'twere better for an honest man
To sign, and so be safe; or to resolve,
Betide what will, against associations,
And, by retreating, shun them. To fly— I
reck

Not where: And, by that flight, t' escape
Feathers and tar, and thousand other ills
That loyalty is heir to: *'Tis a consummation*

Devoutly to be wished. To fly – to want –
To want? Perchance to starve: *Ay, there's the rub!*

For, in that chance of want, what ills may
come

To patriot rage, when I have left my all –
Must give me pause: – There's the respect
That makes us trim, and bow to men we
hate.

For, who would bear th' indignities o' th'
times,

Congress decrees, and wild convention
plans,

The laws controll'd, and inj'ries unre-
dressed, The insolence of knaves, and
thousand wrongs

Which patient liege men from vile
rebels take,

When he, sans doubt, might certain
safety find,

Only by flying? Who would bend
to fools,

And truckle thus to mad, mob-
chosen upstarts,

But that the dread of something
after flight

(In that blest country, where, yet,
no moneyless

Poor wight can live) puzzles the
will,

And makes ten thousands rather
sign – and eat.

Than fly – to starve on loyalty. –
Thus, dread of want makes rebels
of us all:

And thus the native hue of loyalty
Is sicklied o'er with a pale cast of
trimming;

And enterprises of great pith and
virtue,

But unsupported, turn their
streams away,

And never come to action [3].

Как видим, автор стихотворения использовал форму и размер гамлетовского монолога, сохранил его напряженную тональность и даже использовал некоторые элементы первоисточника, придав им в новом контексте совсем иную смысловую окраску. У Шекспира Гамлет, колеблясь между бытием и небытием, пытается решить важные философские дилеммы, тогда как лирический герой этой приделки сосредоточен на злободневных политических проблемах.

Необычной для тогдашнего американского социума кажется и точка зрения, в поддержку которой был создан «The Pausing American Loyalist», так как это стихотворение является трибуной для высказывания про-британских, лоялистских взглядов, которые не пользовались большой популярностью в революционно настроенных американских колониях. Привлечение ассоциации с Гамлетом, одним из наиболее известных персонажей корпуса британской литературы, облеченным высоким моральным авторитетом, тут

*Курсивом выделены прямые цитаты из монолога Гамлета.

призвано создать позитивный имидж лоялизма, представить эту позицию как единственно возможную в условиях «безумия патриотов». Мотив сложного морального выбора реализуется здесь через оппозицию «трудности – возможность избежать трудностей» (“To fly – Ireck Not where: / And, by that flight, t' escape / Feathers and tar, and thousand other ill / That loyalty is heir to: / 'Tis a consummation / Devoutly to be wished” [3]). Лоялизм, по сути, изображается как мученический венец: таким образом актуализируются также определенные аллюзии к христианским заповедям, в частности, к призывам к смирению и «подставлению левой щеки» („There's the respect / That makes us trim, and bow to men we hate“ [3]).

Интересно, что тональность этого политически заангажированного монолога ощутимо отличается от шекспировского оригинала. Если Гамлет рассматривает борьбу и покорение как два равноправно возможных варианта и размышляет о людской нерешительности в абстрактном ключе, то нарратор в «The Pausing American Loyalist» предсказывает неизбежный крах лоялизма («But that the dread of something after flight / In that blest country, where, yet, nomoneyless / Poor wight can live) puzzles the will, / And makes ten thousands rather sign – and eat. / Than fly – to starve on loyalty» [3]).

Прибегая к стратегии транспонирования злободневной проблематики в плоскость «вечных» вопросов, автор этого стихотворения создал специфический контекст, в котором быстрое проблемы американского политикума представлялись такими же масштабными как экзистенциальные сомнения Гамлета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шекспир, В. Гамлет, принц Датский [пер. Б. Пастернака] / Трагедии. – М. : Эксмо, 2006. – С. 21–188.
2. Shakespeare in America. An Anthology from the Revolution to Now / ed.: J. Shapiro. – New York : The Library of America, 2013. – 764 p.
3. The Pausing American Loyalist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.digitalhistory.uh.edu/learning_history/revolution/pausing_american_loyalist.cfm. – Дата доступа: 21.01.2018.